

ления Совмина Респ. Беларусь от 10.07.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.

9. *Tanevitskiy, I. V.* Грузовладелец как участник договора перевозки груза / И. В. Таневитский // Инновации на транспорте и в машиностроении : сб. тр. IV Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 28–29 апр. 2016 г. : в 5 т. Т. I. Транспорт и логистика / Нац. минер.-сырьевой ун-т «Горный» ; отв. ред. Т. А. Менухова, А. В. Терентьев. — СПб., 2016. — С. 121–123.

Tanevitsky, I. V. The cargo owner as a party to the contract for the carriage of goods / I. V. Tanevitsky // Innovations in transport and mechanical engineering : coll. of works of the IV Intern. sci. and practical conf., Saint Petersburg, 28–29 Apr. 2016 : in 5 vol. Vol. I / Nat. Mineral Resources Univ. «Mining» ; resp. ed. T. A. Menuhova, A. V. Terentyev. — St Petersburg, 2016. — P. 121–123.

10. *Bilenko, V. S.* Договор об организации перевозки грузов автомобильным транспортом / В. С. Биленко // Меридиан. — 2019. — № 15 (33). — С. 1–4.

Bilenko, V. S. Agreement on the organization of the carriage of goods by road / V. S. Bilenko // Meridian. — 2019. — № 15 (33). — P. 1–4.

11. Об утверждении Устава государственного объединения «Белорусская железная договора» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 10 янв. 2009 г., № 19 : в ред. постановления Совмина Респ. Беларусь от 24.02.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.

12. О железнодорожном транспорте [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 6 янв. 1999 г., № 237-З : в ред. от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.

Статья поступила в редакцию 25.11.2021 г.

УДК 347.440.64

L. Kozyrevskaya
BSEU (Minsk)

AGREEMENT ON THE TRANSFER OF POWERS OF THE EXECUTIVE BODY OF A BUSINESS COMPANY IN THE LEGISLATION OF THE EAEU MEMBER STATES

In the presented article, using the method of comparative legal analysis, problematic issues of legal regulation of the contract on the transfer of powers of the executive body of business entities are considered, common and special in the legislative decisions of the EAEU member states are revealed. In particular, the definition of this agreement was proposed; its legal nature and content were clarified, which made it possible to formulate proposals for improving legislation.

Keywords: managing director; managing organization; powers of management bodies; subject of the contract; management services.

Л. А. Козыревская
кандидат юридических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ДОГОВОР О ПЕРЕДАЧЕ ПОЛНОМОЧИЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГОСУДАРСТВ — ЧЛЕНОВ ЕАЭС

В представленной статье с помощью метода сравнительно-правового анализа рассмотрены проблемные вопросы правового регулирования договора о передаче полномочий исполнительного органа хозяйственных обществ, выявлено общее и особенное в законодательных решениях го-

сударств — членов ЕАЭС. В частности, предложено определение этого договора, уточнены его правовая природа и содержание, что позволило сформулировать предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: управляющий; управляющая организация; полномочия органов управления; предмет договора; управленческие услуги.

Признание корпоративных отношений в качестве составляющей предмета гражданско-правового регулирования формирует запрос о переосмыслении отдельных правовых конструкций, обслуживающих различные аспекты этих отношений, с позиций гражданско-правовых категорий и с учетом принципа системности. Договор о передаче полномочий исполнительного органа хозяйственного общества в рамках ЕАЭС упоминается в законодательствах Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Кыргызстан. При этом законодатель всех трех государств по большей части ограничивается указанием на возможность данного соглашения. Отсутствие специальных законодательных норм актуализирует вопрос о пределах, условиях применимости общих норм договорного права к отношениям, возникающим на основе названного договора. Принимая во внимание нацеленность ЕАЭС на формирование единого экономического пространства, следует проанализировать нормативные подходы к упомянутому договору в этих государствах на предмет их возможной гармонизации, а также оценить имеющиеся доктринальные позиции относительно природы данного договора и их соотношение со сложившейся нормотворческой и правоприменительной практикой.

Отсутствие легального определения договора о передаче полномочий исполнительного органа повлекло многочисленные попытки определить сущность и юридическую специфику названного соглашения в научной литературе. В настоящее время относительно правовой природы данного договора существуют по меньшей мере пять точек зрения с некоторыми второстепенными различиями внутри каждой из них.

Так, М. Ю. Тихомиров связывает квалификацию рассматриваемого договора с правовым статусом лица, выступающего в качестве управляющего, а также возможностью определить его специфику соглашением сторон. В частности, если в качестве управляющего выступает индивидуальный предприниматель, то с ним, по мнению ученого, может быть заключен как трудовой, так и гражданско-правовой договор. В случае передачи функций управляющего юридическому лицу заключается гражданско-правовой договор смешанного типа, содержащий элементы договоров поручения, возмездного оказания услуг, доверительного управления имуществом, безвозмездного пользования и др. [1, с. 75]. Такое толкование вызывает ряд возражений. Во-первых, единые по своей природе функции управляющего не могут опосредоваться договорами различной отраслевой принадлежности. Во-вторых, предположение о возможности установления трудовых отношений с управляющим противоречит буквальному толкованию положений законодательства: поскольку и российский, и белорусский законодатель разграничивает ситуацию избрания физического лица (возможно, и не являющегося участником данного общества) и решение о передаче полномочий единоличного исполнительного органа управляющему. В первом случае с руководителем заключается трудовой договор, относительно природы второго законодательство конкретных указаний не содержит. Иными словами, с точки зрения законодателя, это различные способы организации управления.

Классификация договора о передаче полномочий исполнительного органа в качестве смешанного гражданско-правового договора поддерживается и иными исследователями, например Н. В. Козловой [2, с. 52]. В рамках этого подхода выделяется позиция, согласно которой рассматриваемый договор квалифицируется как смешанный договор с преобладанием элементов возмездного оказания услуг [3, с. 175]. Российская судебная практика также признает, что по своей структуре, целям и предмету анализируемый

договор наиболее близок к договору возмездного оказания услуг. В постановлении Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 23.01.2007 г. № 11578/06 прямо указывается, что предметом договора о передаче полномочий исполнительного органа являются управленческие услуги. Однако с учетом аргументации, представленной в научной литературе, а также на основе анализа действующего законодательства основные возражения против приведенной трактовки данного договора можно свести к следующему: 1) действия управляющего (управляющей организации) есть реализация правоспособности самой организации; 2) управляющий действует, сообразуясь с конкретной хозяйственно-экономической ситуацией, а не по «заданию заказчика», как того требует норма ст. 733 Гражданского кодекса (далее — ГК) Беларуси (ст. 779 ГК Российской Федерации); 3) действия управляющего носят юридический (а не фактический) характер и непосредственно порождают права и обязанности у общества.

Последняя особенность (возникновение прав и обязанностей у общества вследствие действий управляющего (управляющей организации) (далее — управляющего)) легла в основу третьей позиции по проблеме правовой природы договора о передаче полномочий исполнительного органа, сторонники которой относят его к подгруппе посреднических договоров. Так, Д. И. Степанов расценивает этот договор как договор комиссии [4, с. 67], С. Г. Певницкий считает, что это агентское соглашение [5]. Уязвимым моментом данной концепции является попытка рассматривать органы юридического лица в качестве представителей последнего, что прямо противоречит действующему законодательству (ст. 49 ГК Беларуси; ст. 53 ГК России; ст. 88 ГК Кыргызстана), судебной практике (например, в постановлении Президиума ВАС РФ от 9 февраля 1999 г. № 6164/98 прямо указывалось, что «орган юридического лица не является представителем последнего...») и господствующей концепции правовой природы органов юридического лица.

В качестве самостоятельной точки зрения можно рассматривать трактовку названного договора как договора доверительного управления имуществом [6, с. 42]. Однако такой подход не получил широкой поддержки, поскольку очевидно, что анализируемым соглашением опосредуются отношения по реализации управленческих полномочий, а не передача правомочий по управлению имуществом.

Пятое направление связано с определением договора о передаче полномочий исполнительного органа общества в качестве самостоятельного непоименованного договора [7, с. 114], или «интегрированного договора, соединяющего в себе обязательства из договоров поручения и возмездного оказания услуг», с получением в результате «качественно нового сложного по структуре договора с единым комплексным предметом» [8, с. 9]. При всей привлекательности концепции самостоятельности названного договора необходимо уточнить его место в системе договорных обязательств государств ЕАЭС, ибо «классификация гражданско-правовых договоров направлена на упорядочение договорных конструкций как в целях решения сугубо практических вопросов: допустимости и порядка применения аналогии права и аналогии закона..., а также достижения экономии в изложении правовых норм посредством включения в текст нормативных правовых актов отсылочных норм...» [9, с. 543].

В основу гражданско-правовой классификации типов договоров положен юридический результат, который преследуется сторонами соответствующего соглашения и который в свою очередь можно выявить из анализа предмета соответствующего договора. В специальных законах Беларуси (Закон «О хозяйственных обществах» ст. 53), Кыргызстана (Закон «Об акционерных обществах» ст. 58) и России (Федеральные законы «Об обществах с ограниченной ответственностью» ст. 42; «Об акционерных обществах» ст. 69) указывается, что полномочия исполнительного органа могут быть переданы по договору другой коммерческой организации или индивидуальному предпринимателю. Иными словами, данная норма позволяет утверждать, что предметом названного договора явля-

ются полномочия исполнительного органа, неисчерпывающий перечень которых содержится в указанных законах. В решениях местных органов самоуправления Беларуси, например Костюковического районного Совета депутатов от 23.03.2019 г. № 8-14, предмет договора о передаче полномочий исполнительного органа сельскохозяйственной организации прямо определяется как осуществление полномочий руководителя сельскохозяйственной организации в соответствии с компетенцией руководителя, установленной уставом, локальными нормативными правовыми актами и законодательством.

Нужно обратить внимание, что полномочия исполнительного органа определяются законодателем в предельно общей форме. При этом конкретизация полномочий исполнительного органа может быть достигнута двумя путями: путем закрепления в Уставе организации дополнительных полномочий или установления специальных ограничений для исполнительного органа. Возникает вопрос, с какой степенью детализации эти полномочия могут быть и должны быть согласованы, чтобы констатировать, что стороны согласовали предмет рассматриваемого договора. Здесь нужно уточнить цель и юридический результат данного договора. Очевидно, что этот договор направлен на изменение структуры корпоративного управления путем замены исполнительного органа как структурного подразделения организации на автономный самостоятельный субъект имущественных отношений — коммерческую организацию (индивидуального предпринимателя). Предполагается, что это лицо будет реализовывать управленческие полномочия, во-первых, в интересах управляемой организации и ее участников, во-вторых, добросовестно и разумно, а в-третьих, оперативно и адекватно изменяющимся условиям хозяйствования. Обеспечить все три параметра в деятельности управляющего возможно только при наделении его свободой усмотрения, что влечет невозможность определения в предмете договора конкретного перечня передаваемых полномочий. Невозможность исчерпывающим образом определить полномочия исполнительного органа демонстрирует и законодатель всех трех упомянутых государств, включая в законы отсылки к локальным актам организации. Но тогда применительно к договору о передаче полномочий исполнительного органа будет иметь место либо неопределенность в предмете этого договора, либо неэффективность действий управляющего, чьи полномочия будут жестко ограничены. Думается, что в законодательстве имеет место методологическая ошибка. По указанному договору передается статус (роль в системе управления обществом), а не полномочия, т.е. передаче подлежит функция управления, а не полномочия, но последние могут быть ограничены условиями договора. Таким образом, правильнее будет именовать данный договор «О передаче функции руководства текущей деятельностью общества».

Понятие договора о передаче полномочий исполнительного органа хозяйственного общества применительно к законодательной и правоприменительной практике государств — членов ЕАЭС можно сформулировать следующим образом — это соглашение, заключаемое на основе решения уполномоченного органа хозяйственного общества, опосредующего общую волю его участников, в силу которого управляющей организации (управляющему) на возмездной основе передается функция руководства текущей деятельностью общества. Поскольку речь не идет ни о передаче имущества, ни о выполнении работ, ни об оказании услуг, то можно заключить, что данный договор является не просто самостоятельным договором, но и относится к группе договоров, не получивших легального закрепления в ГК ни одного из государств ЕАЭС. По правовой природе данный договор не является уникальным. Сходными правовыми характеристиками обладают договоры о передаче управляющей компании холдинга права управлять деятельностью дочерних компаний (Указ Президента Республики Беларусь от 28.12.2009 г. № 660 «О некоторых вопросах создания и деятельности холдингов в Республике Беларусь»), об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью и ак-

ционерное соглашение. «Все перечисленные соглашения объединяет то, что в качестве предмета выступает право на управление соответствующей организацией» [11, с. 547]. Следовало бы компактно сгруппировать все эти договоры в ГК, объединив их в самостоятельный договорный тип «договоры о передаче прав управления и контроля», дополнив ГК Беларуси гл. 54¹.

Особенностью данных договоров является относительная неопределенность предмета, который может уточняться путем ограничения полномочий, реализуемых управляющим субъектом; свобода волеусмотрения этого субъекта, презумпция его добросовестности и разумности.

Договор о передаче полномочий исполнительного органа хозяйственного общества носит консенсуальный характер, поскольку никакая фактическая передача управленческой функции в отрыве от предварительной процедуры ее оформления невозможна. В соответствии с Законом «О хозяйственных обществах» (ч. 9 ст. 53) до заключения такого договора следует провести в установленном порядке общее собрание, которое должно принять соответствующее решение. Данное правило дополняется российским законодателем (ФЗ «Об акционерных обществах» ч. 3 п. 1 ст. 69) положением о том, что инициировать вопрос о заключении указанного договора перед общим собранием может только совет директоров (наблюдательный совет). В законодательстве Республики Кыргызстан допускается принятие решения о заключении данного договора советом директоров (наблюдательным советом) при наличии этого органа в обществе (Закон Кыргызстана «Об акционерных обществах» ч. 4 п. 1 ст. 58). В качестве положительного момента киргизского закона нужно отметить, что условия заключаемого договора утверждаются советом директоров (наблюдательным советом). В российском и белорусском законодательствах отсутствует указание о том, кто разрабатывает и утверждает условия рассматриваемого договора. Вполне уместно изменить ч. 9 ст. 53 Закона Беларуси «О хозяйственных обществах», дополнив ее следующим положением: «Условия договора утверждаются советом директоров (наблюдательным советом), если его создание предусмотрено Уставом или законодательством, либо представляются на утверждение общему собранию одновременно с вынесением вопроса о передаче полномочий исполнительного органа управляющему (управляющей организации)».

Законодательство всех государств — членов ЕАЭС требует наличия специального статуса у управляющего. В качестве субъекта договора о передаче полномочий исполнительного органа может выступать исключительно коммерческая организация (индивидуальный предприниматель). Приведенное законодательное положение в качестве следствия имеет возмездность данного договора, поскольку за редким исключением перечисленные лица не совершают безвозмездных сделок. Размер вознаграждения управляющему носит договорный характер. Только в Кыргызстане в Кодексе корпоративного управления есть рекомендация устанавливать вознаграждение в таком размере, чтобы у высокопрофессионального управляющего не возникало желание отказаться от договора в силу недостаточного размера выплачиваемого вознаграждения. Следует обратить внимание, что размер вознаграждения будет определяться индивидуальными признаками управляемого юридического лица, а также уровнем профессионализма управляющего. Соответственно, применить п. 3 ст. 394 ГК Беларуси (п. 3 ст. 424 ГК России; п. 3 ст. 390 ГК Кыргызстана) будет невозможно в силу уникальности каждой конкретной ситуации. Таким образом, следует признать цену данного договора существенным условием, закрепив соответствующее положение в ГК.

Российский и киргизский законодатели допускают создание временного исполнительного органа. В силу принципа диспозитивности, свободы договора и в отсутствие императивных ограничений можно признать, что и в Беларуси возможно существование исполнительных органов, создаваемых на определенный срок. В свою очередь это

позволяет утверждать, что рассматриваемый договор может быть как срочным, так и заключенным на неопределенный срок. Для бессрочного договора особую актуальность приобретает согласование условий о расторжении этого договора. Думается, что управляющий вправе заявлять подобное требование только при наличии уважительных причин (с возмещением реальных убытков второй стороне) или существенных нарушений условий договора контрагентом.

Важным является вопрос о договорной ответственности. Если говорить о самой организации, то на ней лежит единственная обязанность — уплатить вознаграждение в согласованном размере. В случае нарушения этой обязанности будут применяться общие положения ГК о нарушении денежных обязательств. Что касается управляющего, принимая во внимание невозможность исчерпывающим образом определить объем его полномочий, то в качестве основания ответственности этой стороны следует рассматривать причинение убытков, неосновательную утрату или повреждение имущества управляемой организации. Нужно иметь в виду, что хозяйственная деятельность как объективно рискованная сопряжена с возможностью убытков, поэтому ответственность управляющего может носить только виновный характер. При этом киргизский законодатель рекомендует до заключения договора на передачу полномочий исполнительного органа проводить оценку достаточности средств управляющей компании для компенсации возможных убытков самого общества и третьих лиц, являющихся результатами действий управляющего. Представляется, что в данном случае возможна прямая аналогия с нормой Методических рекомендаций по организации корпоративного управления в акционерных обществах с участием государства, утвержденных постановлением Министерства экономики Республики Беларусь от 05.07.2016 г. № 45/14, устанавливающей возможность страхования ответственности руководителей акционерных обществ. Думается, что и в отношении договора на передачу полномочий исполнительного органа следует в качестве существенного условия нормативно закрепить положение о страховании ответственности управляющего.

Договор о передаче полномочий исполнительного органа предусматривается в законодательствах Беларуси, России и Кыргызстана, но ни в одном из названных государств он не регулируется на нормативном уровне должным образом, что порождает как теоретические, так и прикладные проблемы.

С учетом целевой направленности, юридического результата и комплексного анализа специального законодательства можно определить рассматриваемый договор как соглашение, заключаемое на основе решения уполномоченного органа хозяйственного общества, в силу которого управляющему на возмездной основе передается функция руководства текущей деятельностью общества.

Договор о передаче полномочий исполнительного органа хозяйственного общества сходен по своему предмету, особенностям содержания и элементному составу с договорами об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью, о передаче управляющей компании холдинга права управлять деятельностью дочерних компаний и акционерным соглашением, что позволяет заключить о существовании самостоятельного договорного типа и внести предложение о дополнении ГК Беларуси гл. 54¹ «Договор о передаче прав управления и контроля». Такое законодательное решение позволит внести определенность относительно места рассматриваемого договора в системе договорных обязательств.

По своей правовой природе договор на передачу полномочий исполнительного органа является консенсуальным, возмездным, взаимным. С учетом сущности возникающих договорных отношений существенными условиями этого договора следует считать предмет, цену, основания и объем ответственности управляющего (управляющей организации), а также обязанность застраховать эту ответственность.

Источники

1. Тихомиров, М. Ю. Общество с ограниченной ответственностью: организация управления по новым правилам / М. Ю. Тихомиров, Ю. А. Тихомиров. — М. : Тихомиров М. Ю., 2010. — 158 с.
Tikhomirov, M. Yu. Limited liability company: organization of management according to new rules / M. Yu. Tikhomirov, Yu. A. Tikhomirov. — Moscow : Tikhomirov M. Yu., 2010. — 158 p.
2. Козлова, Н. В. Гражданско-правовой статус органов юридического лица / Н. В. Козлова // Хоз-во и право. — 2004. — № 8. — С. 42–60.
Kozlova, N. V. The civil status of the bodies of a legal entity / N. V. Kozlova // *Economy and Law*. — 2004. — № 8. — P. 42–60.
3. Тимофеева, А. А. Проблема квалификации договора о передаче полномочий единоличного исполнительного органа как договора коммерческого представительства / А. А. Тимофеева // Вопр. рос. юстиции. — 2020. — № 5. — С. 171–175.
Timofeeva, A. A. The problem of qualification of the contract on the transfer of powers of the sole executive body as a contract of commercial representation / A. A. Timofeeva // *Iss. of Russ. justice*. — 2020. — № 5. — P. 171–175.
4. Степанов, Д. И. Компания, управляющая хозяйственным обществом / Д. И. Степанов // Хоз-во и право. — 2000. — № 10. — С. 60–73.
Stepanov, D. I. The company managing the economic society / D. I. Stepanov // *Economy and law*. — 2000. — № 10. — P. 60–73.
5. Певницкий, С. Г. Некоторые вопросы передачи полномочий единоличного исполнительного органа организации [Электронный ресурс] / С. Г. Певницкий // Мудрый юрист. — Режим доступа: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/88934-nekotorye-voprosy-peredachi-polnomochij-edinolichnogo-ispolnitelnogo-organa>. — Дата доступа: 28.11.2021.
Pevnitsky, S. G. Some issues of the transfer of powers of the sole executive body of the organization [Electronic resource] / S. G. Pevnitsky // *Wise lawyer*. — Mode of access: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/88934-nekotorye-voprosy-peredachi-polnomochij-edinolichnogo-ispolnitelnogo-organa>. — Date of access: 28.11.2021.
6. Зинченко, С. Спорные вопросы правового статуса органов управления обществ с ограниченной ответственностью / С. Зинченко, С. Казачковский, О. Зинченко // Хоз-во и право. — 1999. — № 7. — С. 42–48.
Zinchenko, S. Controversial issues of the legal status of management bodies of limited liability companies / S. Zinchenko, S. Kazachkovsky, O. Zinchenko // *Economy and law*. — 1999. — № 7. — P. 42–48.
7. Кытманова, А. А. Правовая природа договора на управление юридическим лицом / А. А. Кытманова // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2008. — № 311. — С. 112–116.
Kytmanova, A. A. The legal nature of the contract for the management of a legal entity / A. A. Kytmanova // *Tomsk State Univ. J.* — 2008. — № 311. — P. 112–116.
8. Тычинская, Е. В. Договор о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. В. Тычинская ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. — М., 2010. — 30 с.
Tychinskaya, E. V. Agreement on the implementation of the functions of the sole executive body of a business company : abstr. diss. ... candidate jur. sciences : 12.00.03 / E. V. Tychinskaya ; *Russ. Presidential Acad. of Nat. Economy and Pub. Administration*. — Moscow, 2010. — 30 p.
9. Козыревская, Л. А. Классификация гражданско-правовых договоров и договорные конструкции, опосредующие корпоративные отношения / Л. А. Козыревская // Науч. тр. / Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: В. Ю. Шутинин (гл. ред.) [и др.]. — Минск, 2021. — Вып. 14. — С. 543–550.
Kozyrevskaya, L. A. Classification of civil law contracts and contractual constructions mediating corporate relations / L. A. Kozyrevskaya // *Sci. works / Belarus State Econ. Univ.* ; ed. board: V. Yu. Shutilin (chief ed.) [et al.]. — Minsk, 2021. — Iss. 14. — P. 543–550.

Статья поступила в редакцию 07.12.2021 г.